

ВОЕННЫЙ ПЛЕН НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В XX В. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Елена Юрьевна БОНДАРЕНКО,
кандидат исторических наук

До второй половины XIX в. в международном праве не существовало многосторонних соглашений, устанавливавших режим военного плена.

Наиболее полно этот правовой режим был разработан в принятой на 2-й Гаагской конференции мира 5(18) октября 1907 г. Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны. Документ имел приложение о военнопленных, насчитывавшее четырнадцать статей. Так, в статье 4 конвенции говорилось о необходимости человеколюбивого отношения к военнопленным со стороны государства, взявшего их в плен. Причем военнопленным предоставлялась определенная свобода «в городе, крепости, лагере или каком-либо другом месте с обязательством не удаляться за известные определенные границы; но собственно заключение может быть применено к ним лишь как необходимая мера безопасности...»¹.

Гуманностью отличалась и 6-я статья, где речь шла о трудовом использовании военнопленных. В соответствии с этой статьей государство могло привлекать военнопленных к работам, но только сообразно их чинам и способностям и за исключением офицеров. Причем эти работы не могут быть слишком обременительными и не должны иметь никакого отношения к военным действиям.

Заработок пленных шел на улучшение их положения, а остаток выдавался им при освобождении, за вычетом расходов на содержание.

По статье 7-й конвенции содержание военнопленных возлагалось на правительство, во власти которого они находились. Если между воевавшими государствами не было заключено особое соглашение, то военнопленные пользовались такой же пищей, помещением и одеждой, как и войска правительства, взявшего их в плен.

Военнопленные были обязаны подчиняться законам, уставам и распоряжениям, действовавшим в армии государства, захватившего их в плен. Как отмечается в статье 8 конвенции 1907 г., «всякое неповиновение с их стороны дает право на применение к ним необходимых мер строгости...»²

Лица, бежавшие из плена и задержанные ранее, чем они покинут территорию, занятую армией, взявшей их в плен, подлежали дисциплинарным взысканиям. Если военнопленный совершал удачный побег, но вновь был взят в плен, он не подлежал никакому наказанию за свой прошлый побег.

Статья 10 гласила, что военнопленные «могут быть освобождены на честное слово, если это разрешается законами их страны, и в таком случае обязаны, с ручательством личною своею честью, добросовестно исполнить принятые ими на себя обязательства как в отношении собственного Правительства, так и Правительства, взявшего их в плен»³.

В соответствии с положениями конвенции в годы первой мировой войны широко проводились проверки военнопленных в русских, в том числе дальневосточных лагерях международными комитетами Красного Креста (МККК), которые всегда стремились к оказанию помощи жертвам войны, в том числе военнопленным. В обязанности комитетов входила материальная и моральная помощь попавшим в плен, периодический контроль за обращением с ними, их содержанием в лагерях, соответствием состояния военнопленных нормам, предусмотренным международными конвенциями. Примером благотворительной помощи военнопленным в дальневосточных лагерях со стороны МККК может служить деятельность Российского, Датского, Шведского и других обществ Красного Креста⁴.

Конвенция 1907 г. не касалась таких областей содержания военнопленных, как норма их питания, медицинское обслуживание, перемещение пленных и т. д. Поэтому впоследствии появилась необходимость в создании более развернутого и конкретизированного положения о военнопленных, каким стала Женевская конвенция о военнопленных 1929 г.

В общем Россия в годы первой мировой войны соблюдала основные положения международных конвенций, касавшиеся военнопленных. Однако имелся и ряд отступлений от этих норм, что выразилось, например, в разделении пленных по национальностям, клеймении их одежды, использовании на тяжелых, опасных для здоровья работах и т. д.

Во время первой мировой войны в России оказались свыше 3,5 млн. пленных солдат вражеских армий⁵. 23 апреля 1918 г. декретом СНК РСФСР была образована Центральная коллегия по делам пленных и беженцев. Как известно, Советская республика была заинтересована в использовании иностранных военнопленных в своих политических целях. Но, несмотря на это, Реввоенсовет республики издал приказ от 21 апреля 1918 г. о строгом соблюдении статьи второй Брест-Литовского мирного договора в отношении иностранных военнопленных, содержащихся на территории РСФСР. По этому договору советское правительство взяло на себя обязательство воздерживаться от военной агитации или пропаганды против правительств или государственных учреждений Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии среди иностранных военнопленных на своей территории, а также своевременно, без задержек, отправлять их на родину.

25 января (7 февраля) 1918 г. в Петрограде было подписано Соглашение между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией — с другой, о возвращении на родину раненых или больных военнопленных, которое являлось дополнением к договору о перемирии, заключенному 2 (15) декабря 1917 г. в Брест-Литовске.

По 1-й статье соглашения, состоявшего из 12 статей, всех раненых и больных военнопленных должны были в течение 6 месяцев отправить на родину без различия чина или служебного положения⁶.

Также по этому соглашению в первую очередь подлежали отправке на родину военнопленные старше 55 лет, находившиеся в плену свыше 6 месяцев. Причем в случае, когда возвращение раненого или больного военнопленного на родину не состоялось даже при особом ходатайстве со стороны его отечества, по статье 4 соглашения об этом должен быть немедленно уведомлен Международный комитет Красного Креста и Красного Полумесяца с указанием причины отказа в репатриации⁷.

Особое внимание в соглашении было уделено сохранности личного имущества пленных при возвращении их на родину. В частности, статья 9 декларировала, что «из личного имущества пленных при возвращении их на родину ничто не может быть задержано, за исключением нижепоименованных предметов, с сохранением на них права собственности: 1. золотые монеты; 2. серебряные монеты общей стоимостью свыше одного рубля, 2 марок, 2 крон, 2 левов, 10 пиастров; 3. бумажные деньги и банкноты на общую сумму свыше 500 рублей...; 4. необделанные драгоценные металлы и драгоценные камни...; 5. оружие, предметы военного снаряжения...; 6. необделанные материи, меха и шкуры...; 7. печатные произведения, фотографии и бумаги, не просмотренные непосредственно перед выездом надлежащими властями, не опечатанные и не снабженные соответствующей печатью»⁸.

Статья 10 соглашения указывала на необходимость снабжения военнопленных при отправке их на родину в достаточном количестве одеждой, бельем и обувью соответственным времени года⁹.

Очевиден несомненный гуманизм данного соглашения по отношению к раненым и больным военнопленным, что имело немаловажное значение для отправки иностранных пленных из России на родину. Вместе с тем в соглашении не указаны продуктовые нормы репатриированных военнопленных, что приводило к злоупотреблениям с выдачей им продовольствия в дороге.

31 января (13 февраля) 1918 г. Советская Россия и Австро-Венгрия ввели в силу Копенгагенское соглашение, подписанное 15 (2) ноября 1917 г. представителями Красного Креста Германии, Турции, Австро-Венгрии, России, Румынии. Оно предусматривало взаимную информацию воюющих сторон о численности военнопленных и определяло условия возвращения тяжелораненых, больных и гражданских пленных.

Соглашение между Россией и Австро-Венгрией явилось дополнением к договору о перемирии, заключенному 2(15) декабря 1917 г. в г. Брест-Литовске. Оно имело всего лишь 3 статьи и провозглашало замену соглашения, содержащегося в заключительном протоколе Копенгагенской конференции и касающегося возвращения на родину тяжелораненых и тяжелобольных военнопленных («Convention concernant le Rapatrient des prisonniers de guerre grands blesse's et grands malades»), соглашением, заключенным в Петрограде 25 января (7 февраля) 1918 г.¹⁰

Статья 3 этого соглашения между Россией и Австро-Венгрией объясняет, на взгляд автора, причины такой замены: «В случае, если переговоры между русской делегацией с делегациями одной из союзниц Австро-Венгрии привели бы к положениям, которые по отношению к настоящему Соглашению обозначили бы

улучшение быта военнопленных, то договаривающиеся стороны предоставляют себе право с обоюдного согласия принять эти положения»¹¹.

Таким образом, Копенгагенское соглашение 15(2) ноября 1917 г. о военнопленных было заменено Петроградским соглашением 25 (7) февраля 1918 г. во многом потому, что, по мнению военного министерства Австро-Венгрии, первое «...потеряло всякую ценность... С русской стороны оно было связано также с невыполнением обязательств в отношении военнопленных...»¹²

Первые советские правительственные декреты, касавшиеся военнопленных, были проникнуты сочувственным и уважительным отношением к «узникам войны»: материальную поддержку получали не только возвращавшиеся на родину, но и семьи тех, кто еще продолжал пребывать вдали от дома. Были установлены контакты с Международным комитетом Красного Креста, который возглавлял швейцарец Густав Адор. 2 июня 1918 г. советское правительство заявило о том, что оно признает все международные конвенции о защите жертв войны, ранее ратифицированные царской Россией. В 1921 г. Международный комитет Красного Креста счел возможным объявить: РСФСР получает право на покровительство Женевских соглашений¹³. В годы гражданской войны и военной интервенции отношение к иностранным военнопленным как в России, так и на ее Дальнем Востоке должно было соответствовать требованиям и положениям международного гуманитарного права.

Однако эти нормы постоянно нарушались. Использование пленных для военной поддержки той или иной политической силы, «натравливание» военнопленных различных наций друг на друга, поощрение отказа от родного гражданства, собственных имен и фамилий, агитация за массовое вступление в советское гражданство, а также ничем не оправданные задержки с репатриацией пленных на родину, приводившие к массовым братоубийственным сражениям, — все эти грубые нарушения международного права по отношению к военнопленным имели место на российском Дальнем Востоке в годы гражданской войны и военной интервенции.

С образованием СССР вопрос о присоединении к международным конвенциям о защите жертв войны вновь оказался на повестке дня. К этому времени советское правительство имело свой подход к проблеме военного плена. На XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 г. И.В. Сталин назвал II Гаагскую мирную конференцию, обсуждавшую проблемы военного плена еще в 1907 г., «образцом беспримерного лицемерия буржуазной дипломатии», форумом, участники которого «шумом и песнями о мире стараются прикрыть дело подготовки к новой войне»¹⁴.

Как считает видный российский исследователь темы военного плена В.Б. Конасов, изменение в отношении к иностранным военнопленным в СССР в конце 20-х годов XX в. было связано с завершением процесса формирования военной доктрины, исходившей из абсолютного приоритета наступательной стратегии над оборонительной. Свое отношение к проблеме военнопленных советское правительство после ряда одержанных в гражданской войне побед строило, руководствуясь следующей логикой: будущая война, несомненно, будет вестись на чужой территории, в плену противника окажется крайне мало красноармейцев и поэтому связывать себя какими-либо обязательствами на международном уровне неразумно. Специальная комиссия, возглавлявшаяся первоначально членом коллегии НКВД Ф.А. Ротштейном, а затем консультантом

Совета Труда и Обороны СНК СССР И.Я. Левенсоном, приступила в сентябре 1928 г. к работе над собственным документом под названием «Кодекс военного плена»¹⁵.

Комиссия по подготовке «Кодекса военного плена» стремилась, чтобы ее документ в отличие от ранее имевшихся международных соглашений не воспроизводил детально все гарантии, предоставлявшиеся узникам войны. При этом особенно тщательно отшлифовывались лишь те формулировки, которые подчеркивали характер неизбежного столкновения социалистических и капиталистических армий.

С учетом пожеланий наркома по военным и морским делам К.Е. Ворошилова было внесено предложение считать военнопленными не только солдат вражеских армий, но и «лиц, принадлежащих к населению незанятой войсками РККА территории противника, поднимаемому для вооруженной борьбы против РККА при ее приближении»¹⁶. Эта формулировка, противоречившая международному праву, была нацелена на подавление неповиновения со стороны мирных граждан и явно выражала интересы доктрины наступательной войны. Ее целям отвечало и положение о том, что наркомвоенмор по согласованию с наркоматом по иностранным делам разрешалось вводить на чужой территории «режим военного плена без формального состояния войны»¹⁷.

27 июля 1929 г. в Женеве на Международной конференции были приняты конвенции «Об обращении с военнопленными» и «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях». Советский Союз не участвовал в работе этой конференции. И, хотя обе конвенции были тесно связаны друг с другом, руководство СССР решило признать лишь одну из них. 25 августа 1931 г. народный комиссар иностранных дел М.М. Литвинов подписал соответствующую декларацию, и с 26 марта 1932 г. конвенция «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях» вошла в силу. Конвенция «Об обращении с военнопленными» вплоть до подписания в 1949 г. в Женеве новой конвенции о военнопленных так и осталась проигнорированной.

Вот как объясняются причины неподписания конвенции «Об обращении с военнопленными» в предисловии к опубликованной в СССР в 1932 г. конвенции «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях»: «Чем же регулируется положение военнопленных у нас и, в частности, какой режим военного плена будет применяться к больным и раненым? Ответ на этот вопрос вытекает из того, что Советский Союз не участвует в конвенции о военнопленных именно потому, что режим, устанавливаемый этой конвенцией, представляется ему мало удовлетворительным. Не связывая себя формально какими-либо конвенциями по этому вопросу, СССР будет разрешать его в порядке своего внутреннего законодательства»¹⁸.

19 марта 1931 г. постановлением ЦИК и Совнаркома СССР было утверждено «Положение о военнопленных», действовавшее на территории СССР до 3 сентября 1939 г. Согласно положению 1931 г. военнопленными признавались лица, принадлежавшие к составу вооруженных сил государств, находившихся в состоянии войны с СССР, захваченные при военных действиях, а также граждане этих государств, интернированные на территорию СССР.

3 октября 1939 г. СНК СССР принял постановление «О военнопленных», согласно которому военнопленных солдат — украинцев, белорусов, а также представителей других национальностей, оказавшихся в плену после претворения

в жизнь секретных договоренностей Молотова — Риббентропа, необходимо было распустить по домам. В плену оставались солдаты, родина которых находилась в немецкой части Польши, их надлежало содержать в лагерях до переговоров с немцами и решения вопроса об отправке на родину.

В середине октября по инициативе германской стороны была достигнута договоренность об обмене военнопленными в соответствии с их местом жительства до войны. 14 октября 1939 г. СНК СССР принял постановление № 1691—415, по которому в октябре и ноябре 1939 г. немцам было передано 42 492 военнопленных поляка¹⁹.

Трагичной оказалась судьба 14 552 польских военнопленных, содержавшихся в Старобельском, Козельском и Осташковском лагерях и уничтоженных НКВД в марте—мае 1940 г. в соответствии с решением политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г.

После нападения гитлеровской Германии на Советский Союз СНК СССР утвердил «Положение о военнопленных», в котором был закреплён порядок содержания военнопленных в СССР. По сравнению с проектом 1939 г. в отдельные статьи были внесены изменения: одни улучшали условия жизни военнопленных, другие, наоборот, ухудшали. К положительным изменениям следует отнести такие, как возвращение в документ пунктов, которые запрещали применять к военнопленным меры принуждения для получения от них каких-либо сведений, использовать труд военнопленных в районах боевых действий (в 1939 г. эти пункты были вычеркнуты). Военнопленным офицеров теперь можно было привлекать к труду лишь с их согласия — раньше допускалось применение труда офицеров по особому распоряжению УПВ НКВД. В то же время из положения был исключён пункт, который устанавливал одинаковые условия содержания для всех военнопленных, но подчеркивалось особое положение военнопленных офицеров. Установленная норма денег, которую пленным разрешалось иметь на руках, была распространена и на заработную плату. В соответствии с положением 1941 г. военнопленные за любые совершенные ими преступления подлежали суду военного трибунала. Раньше военнопленных к суду военного трибунала могли привлечь только за преступления, приравненные к воинским, в остальных случаях дела по обвинению военнопленных подлежали рассмотрению в общем порядке.

Основные пункты принятого положения соответствовали Женевской конвенции 1929 г. В положении были записаны условия содержания военнопленных и их правовое положение, трудоустройство, уголовная и дисциплинарная ответственность за неисполнение приказаний. Однако этот документ имел и существенные отличия от Женевской конвенции 1929 г. По своему объёму он был в 3 раза меньше и содержал всего 31 статью (конвенция — 97 статей). Предполагалось, что в развитие положения НКВД СССР будет издавать необходимые инструкции и правила, приказы и распоряжения, а это в свою очередь давало возможность влиять на условия содержания военнопленных.

В положении также отсутствовала статья, предусматривавшая раздельное содержание людей разных рас и национальностей. В нем не были четко прописаны нормы питания военнопленных. Если конвенция устанавливала пищевой рацион военнопленного по качеству пищи и его количеству на уровне рациона собственных войск, находившихся на казарменном положении, то положение 1941 г. предоставляло право определять нормы питания Управле-

нию НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных. Положение в отличие от конвенции не содержало запрета на использование труда военнопленных для изготовления и перевозки оружия, для постройки всякого рода укреплений, на вредных для здоровья работах. В положении 1941 г. ни слова не было сказано о праве военнопленных на выполнение своих религиозных обрядов, включая посещение богослужений и право служителей культа на обеспечение духовных нужд военнопленных единоверцев.

Различны были и подходы к использованию труда унтер-офицеров. По конвенции их разрешалось привлекать к труду лишь по надзору за работавшими, а по положению — ко всем работам вместе с рядовыми.

Самым большим, на взгляд автора, недостатком «Положения о военнопленных» 1941 г. было отсутствие в нем статей, гарантировавших права, предусмотренные конвенцией 1929 г. По положению военнопленные были фактически лишены возможности обращаться к властям с жалобами на режим содержания их в плену и могли общаться лишь с администрацией лагеря. Военнопленный был лишен права обжаловать всякий свершившийся в отношении него приговор, иметь защитника. При вынесении смертного приговора положение предусматривало приведение его в исполнение через месяц после сообщения о нем Исполкому Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, и таким образом, не оставалось времени для его обжалования. Конвенция же предусматривала приведение в исполнение смертного приговора по истечении трех месяцев со дня отправления сообщения представителю державы-покровительницы.

Все имевшиеся отличия свидетельствовали о том, что «Положение о военнопленных» 1941 г. оказалось более неудовлетворительным документом о правах и обязанностях военнопленных, нежели конвенция 1929 г. Кроме того, непризнание СССР международной конвенции о военнопленных дало возможность фашистской Германии так же, как и Японии, найти повод для бесчеловечного обращения с советскими военнопленными.

Известно, что Гитлер перед началом войны с СССР заявил, что «против русских должны применяться средства войны не те, что против Запада... Так как русские не признают... конвенции, то и обращение с их военнопленными не должно быть в соответствии с решениями... конвенции»²⁰.

Вместе с тем советское «Положение о военнопленных» не идет ни в какое сравнение с директивами фашистского руководства по обращению с красноармейцами, оказавшимися в германском плену. 8 июня 1941 г. в войска германского вермахта был направлен «Приказ о комиссарах», в котором относительно «политических комиссаров всех званий» говорилось следующее: «Щадить в этой борьбе подобные элементы и обращаться с ними в соответствии с нормами международного права неправильно. Эти элементы представляют угрозу для нашей собственной безопасности. Поэтому, если они будут захвачены в бою или окажут сопротивление, их, как правило, следует немедленно уничтожить»²¹. Как видим, налицо вопиющее нарушение международного права по отношению к военнопленным и со стороны гитлеровцев.

После утверждения правительством «Положения о военнопленных» 1941 г. НКВД СССР разработал и утвердил инструкции, развивавшие и дополнявшие его: «Временную инструкцию о конвоировании военнопленных из приемных пунктов в лагерь-распределители частями конвойных войск НКВД СССР»,

а также две инструкции о порядке учета и содержания военнопленных в лагерях НКВД.

Смысл принятых в 1941 г. документов свидетельствовал об ухудшении положения военнопленных в СССР. Так, при сравнении документов 1939 и 1941 гг. по содержанию военнопленных в лагерях НКВД можно убедиться, что в более поздней инструкции исчез пункт, запрещавший изымать у военнопленных их личные документы и вещи. В документах 1941 г. было закреплено привлечение военнопленных рядового и младшего начальствующего состава к работам по указанию начальника лагеря. Количество денег, разрешенное иметь военнопленным, уменьшилось со 100 до 50 руб. Из инструкции 1941 г. исчез пункт, дававший право военнопленным за свой счет покупать в ларьках лагерей продукты питания, предметы личного обихода и первой необходимости. Право военнопленных на подачу жалоб и заявлений также ограничивалось. Теперь они не имели права обращаться с жалобами в правительственные инстанции и были оставлены с системой УПВИ НКВД СССР один на один. В то же время в связи с военным положением в стране НКВД упростил порядок разбора жалоб. Из правовых документов 1941 г. были вычеркнуты пункты, предписывавшие пронумеровывать, прошнуровывать и опечатывать книгу регистрации жалоб, объявлять военнопленному результаты разбора жалобы или заявления под расписку, приобщавшуюся к учетному делу военнопленного.

Правовые документы первых месяцев войны свидетельствуют и об ухудшении питания военнопленных: новые нормы выдачи хлеба, начиная с сентября 1941 г., уменьшились с 800 до 400 г, масла растительного — с 30 до 20 г, мясо из рациона пленных исчезло вовсе, а в качестве компенсации было увеличено количество выдаваемой рыбы — с 75 до 100 г.

Это положение о военнопленных распространялось и на военнослужащих японской Квантунской армии, находившихся в советском плену, начиная с сентября 1945 г.

Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав СССР, США и Великобритании, проходившая с 17 июля по 2 августа 1945 г., опубликовала декларацию глав правительств Советского Союза Соединенных Штатов, Соединенного королевства и Китая о Японии.

В частности, пункт 9-й декларации гласит о том, что «японским вооруженным силам после того как они будут разоружены, будет разрешено вернуться к своим очагам с возможностью вести мирную трудовую жизнь»²².

Вместе с тем 10-я статья этой же декларации позволяла трактовать проблему японских военнопленных более жестко: «Мы не стремимся к тому, чтобы японцы были порабощены как раса или уничтожены как нация, но все военные преступники, включая тех, которые совершали зверства над нашими пленными, должны понести суровое наказание»²³.

Очевидно, руководствуясь данной статьей декларации, Советский Союз надолго задержал военнопленных (более, чем на 4 года, а так называемых «военных преступников» — на 11 лет), подвергнув их подневольному труду. При чем 971 военнопленный из числа военных преступников был передан КНР для привлечения к уголовной ответственности за преступления и против китайского народа. К 20 ноября 1956 г. (через 11 лет после окончания войны) в лагерях на территории СССР оставались еще 1 036 японских военнопленных.

Известно, что из более чем 600 тыс. военнопленных Японии в советском плену умерли свыше 60 тыс. чел., т. е. 10% общего числа. Причины их гибели можно проследить на примере «естественной убыли» военнопленных лагеря № 31, участвовавших в строительстве восточного участка БАМа от Комсомольска до Советской Гавани²⁴. Всего за 1945—1948 гг. в лагере (численностью 26,3 тыс. военнопленных на 1 января 1946 г.) умерли 585 чел. Из них от ранений при попытках к бегству, в результате самоубийств и травм погибли 156 чел. (27%), от дистрофии и авитаминоза — 64 (9%), брюшного тифа — 45 (6,5%), туберкулеза — 65 (9%), дизентерии — 95 (14%).

Законы международного права гласят, что военнопленный за свой труд может получать зарплату как наличными, так и перечислением на лицевой счет. Эти средства — его законная собственность. Такие требования соответствуют Гаагской конвенции «О законах и обычаях войны» 1907 г., Женевской конвенции 1929 г. «Об обращении с военнопленными», а также общепринятым нормам международного права, изложенным в последующей Женевской конвенции 1949 г. По данной конвенции, к которой присоединился Советский Союз, на СССР налагалась прямая обязанность передачи списков умерших и выплаты зарплаты их родственникам. Тот факт, что военнопленные японцы при репатриации не имели при себе денег, подтверждает приказ МВД СССР № 00374 «О репатриации военнопленных японцев в 1948 г.», который гласил, что «...в целях недопущения вывоза за границу советской валюты предупредить освобождаемых военнопленных о необходимости обязательного израсходования ими до отправки имеющихся у них советских денег... Перед погрузкой в эшелоны произвести тщательный обыск военнопленных с целью изъятия скрытой военнопленными советской валюты, а также документов с записями, содержащими сведения секретного характера...». Следует иметь в виду, что действительно было невозможно произвести платеж за границей в силу неконвертируемости советского рубля, а также финансовых и валютных ограничений, существовавших в то время практически во всех странах мира.

В этом случае конвенция 1949 г. специально предусматривает, что военнопленный получает документ, подписанный уполномоченным офицером (в СССР — начальником лагеря). В нем указывается сумма, заработанная пленным. Если деньги не выдавались в стране, где находился военнопленный, то фактическая выплата этих денег должна была осуществляться государством, к которому принадлежал пленный (т. е. Японией).

Только начиная с 1992 г., российское правительство стало выдавать бывшим японским военнопленным справки о труде в плену. Известно, что к апрелю 1993 г. было выдано 30 тыс. таких справок²⁵.

Ссылаясь на статью 75 Женевской конвенции о содержании военнопленных от 27 июля 1929 г. (не подписанную СССР) о том, что, «когда воюющие стороны заключают перемирие, они обязываются прежде всего согласовать условия, касающиеся репатриации военнопленных... Репатриация военнопленных должна осуществляться в кратчайший срок»²⁶, военный историк В.П. Галицкий отмечает: «СССР и Япония только 19 октября 1956 г. заключили соглашение о прекращении состояния войны между собой, а мирный договор между воевавшими государствами еще пока не заключен. Следовательно, если строго следовать букве международного права, советское государство вправе было задержать репатриацию японских военнопленных до 1956 г.»²⁷

Однако по договору о репатриации Советский Союз в 1946 г. принял обязательство возвращать на родину по 50 тыс. военнопленных ежемесячно. Этот договор СССР неоднократно нарушал то в связи с отсутствием судов для перевозки репатриантов, то из-за наступления зимних месяцев, когда судоходство между Находкой и Японией было невозможно.

Нарушением международных прав по отношению к военнопленным со стороны СССР была также репатриация в первую очередь тех из них, кто проникся «духом сталинского сознания», являлся агентом-осведомителем о настроениях основной массы японских военнопленных в советских лагерях. Кроме того, материалы Государственного архива Хабаровского края свидетельствуют, что одним из важнейших условий репатриации являлась подписка военнопленного о его обязательном вступлении по возвращении на родину в Японскую коммунистическую партию²⁸.

Для представителей японской общественности являются весьма важными вопросы о причинах высокой смертности в период пребывания японцев в советском плену, официальные данные о количестве умерших пленных на территории СССР, а также сведения о местах их захоронения.

Смертность японских военнопленных на территории СССР действительно достигала 9—10%. Многолетнее игнорирование просьб японской стороны о передаче списков умерших военнопленных и сведений о местах их захоронения на территории СССР ничем не может быть оправдано. Согласно требованиям международного права в отношении военнопленных после окончания военных действий государства — участники вооруженного конфликта обязаны обменяться списками не только военнопленных, находящихся в их власти, но и прежде всего данными о количестве умерших, погибших и местах их захоронения. Объективных оснований для отказа в законном требовании Японии положительно решить вопрос о сообщении сведений о количестве умерших японских военнопленных и местах их захоронения со стороны МВД СССР не было, как не было и конкретных действий.

Возможно, причина постоянных отказов МИДу Японии со стороны МВД СССР состояла в том, что большинство захоронений японских военнопленных на советской территории вплоть до 90-х годов XX в. находилось в неудовлетворительном состоянии. Ведь уход за могилами японцев требовал денег и немалых. При знакомстве с коллекцией документов по делам военнопленных УВД Приморского края видно, что большинство захоронений, особенно в сельской местности края, безвозвратно утеряно (памятные столбы разрушены до основания, исчезли таблички с именами, одиночные захоронения затоплены или поросли лесом и т. д.). Естественно, недопустимо было приглашать на такие захоронения родственников. Разрушение могил военнопленных, а также их массовые захоронения в безымянных могилах являлись нарушением элементарных требований международного права о военнопленных и тем самым негативно влияли на авторитет как советского государства, так впоследствии и России и на ее взаимоотношения с Японией.

На территории СССР на январь 1949 г. в ГУПВИ МВД СССР состояло на учете 341 кладбище, где захоронены 34 422 японских военнопленных. Из них 29 кладбищ были смешанными, т. е. на них захоронены военнопленные и других национальностей (немцы, румыны, венгры, австрийцы и др.), японцев на них было погребено 1 770 чел. Спустя 10 лет, в феврале 1959 г.

178 кладбищ, где был захоронен 8 631 японский военнопленный, оказались в зонах промышленного и гражданского строительства и были ликвидированы, что также явилось нарушением норм международного права по отношению к военнопленным.

В феврале 1959 г. по согласованию с МИД СССР под надзором местных МВД и УВД было оставлено 27 кладбищ, на которых захоронено 15 147 чел., в том числе в г. Партизанске Приморского края — 398 чел., в пос. Рыбстрой (бухта Находка) — 487, в Артеме — 301, в г. Комсомольске-на-Амуре (берег ручья «Черный ключ») — 1 513, в пос. Колоболке Облучьенского района Хабаровского края — 456, на станции Тырма Буреинского района — 986, на станции Хор Лазовского района Хабаровского края — 307, на станции Костромбо Комсомольского района — 592, на станции Тырма Верхне-Буреинского района — 451, в г. Хабаровске (район городского гражданского кладбища) — 315, в пос. Зельвино-Духовское Райчихинского района Амурской области — 320, в пос. Куйбышевке-Восточной Амурской области — 535 и т. д.²⁹

Видя, что большинство из этих захоронений находится в полном запустении, родственники погибших в плену решили вывезти останки своих близких на родину, что, как известно, было крайне негативно встречено министерством здравоохранения Японии. Так что проблема передачи останков военнопленных их родственникам до сегодняшнего дня остается открытой.

Дольше других в России задержались японцы, признанные военными преступниками и осужденные на Хабаровском судебном процессе 1949 г., а также военнопленные, выступившие в качестве свидетелей на Токийском и Хабаровском международных судебных процессах. Токийский процесс проходил с 3 мая 1946 г. по 12 ноября 1948 г., Хабаровский международный трибунал состоялся 25—30 декабря 1949 г. На обоих процессах использовались свидетельские показания военнопленных, находившихся в дальневосточных лагерях.

Суду международного военного трибунала в г. Токио были преданы 28 бывших государственных, политических и военных деятелей Японии по обвинению в заговоре против мира, т. е. в подготовке, развязывании и ведении агрессивных войн, в том числе бывший премьер-министр Японии Тодзио Хидэки, бывший военный министр и член правительственного совета полный генерал Араки Садао, командующий армией в Сингапуре полный генерал Доихара Кэндзи, депутат парламента Хасимото Кингоро, бывший военный министр и член Верховного совета полный генерал Хата Сюнроку и др.

На заседании Международного военного трибунала для Дальнего Востока в Токио один из 13 крупнейших разделов обвинения был посвящен преступлениям военнослужащих Квантунской армии против пленных на суше и на море. В обвинении указывалось, что японское правительство не ратифицировало и не ввело в действие Женевскую конвенцию от 27 июля 1929 г. о содержании военнопленных. Против ратификации этой конвенции еще задолго до начала второй мировой войны решительно выступили армия и военно-морской флот Японии, которые считали, что конвенция своей гуманностью противоречит основным положениям военной подготовки японского солдата. Отказ от ратификации этой конвенции был сознательным шагом военных политиков Японии для внушения ее военнослужащим ненависти и презрения к попавшим в плен на поле боя.

Поэтому, начиная с военных действий в Китае и заканчивая капитуляцией Японии в сентябре 1945 г., убийства, пытки, изнасилования и другие акты жестокости самого бесчеловечного и зверского характера по отношению к военнопленным широко практиковались в японской армии и на флоте.

Еще в начале 1946 г. МВД СССР по поручению советского правительства начало поиск предполагаемых свидетелей в лагерях военнопленных, сбор материалов о них, а также их анализ. Уже в апреле 1946 г. был подготовлен список свидетелей из 77 японцев, находившихся в советском плену. Среди них было 30 генералов, 36 офицеров, 11 гражданских лиц, интернированных из Маньчжурии в 1945 г.³⁰

По сведениям, полученным от японских репатриантов, в 1945—1946 гг. в Хабаровске ожидал начала Токийского процесса глава марионеточного государства Маньчжоу-Го, император Маньчжурии Генри Пу И. Как вспоминали очевидцы, помещение, в котором жил Пу И в Хабаровске, представляло собой двухэтажный особняк. Генри Пу И жил на нижнем этаже здания, где ему было отведено несколько комнат. В особняке были также столовая, кабинет переводчика и помещения для посетителей императора. В остальных комнатах нижнего этажа помещались ведущие японские военачальники. Около дюжины комнат на верхнем этаже служили для этой же цели.

Вызванный на свидетельский допрос по делу главных военных преступников 40-летний Пу И, по воспоминаниям современников, «...выглядел молодо. Стройный, с высоко поднятой головой, тщательно выбритый, с аккуратной прической на пробор, в легких светлых очках и темном костюме, в белой рубашке и с узким темно-синим галстуком, он выглядел довольно элегантно»³¹.

На суде произошел следующий диалог Пу И с представителями трибунала.

«Вопрос защиты. За время вашего пребывания в Хабаровске вы находились в положении пленного?»

Ответ Пу И. Нас держали там, но нам была предоставлена свобода выходить с дачи и гулять поблизости около реки.

Вопрос. Когда вы выходили, вас охраняли?

Ответ. Да.

Вопрос. Как вы прибыли в Токио?

Ответ. Меня попросило обвинение прибыть и выступить свидетелем на суде.

Вопрос. Вы прибыли в Токио под охраной?

Ответ. Да.

Вопрос. Господин свидетель, является ли что-либо из того, что вы здесь показали, результатом каких-либо угроз по вашему адресу или каких-либо обещаний вам?

Ответ. Мне ничем не угрожали и ничего не обещали. Я говорю правду»³².

Кроме Пу И в числе свидетелей были генерал-лейтенант Миякэ Мицухару, бывший начальник штаба Квантунской армии; бывший начальник информационного отдела Квантунской армии генерал-майор Акикуса Дзюн; бывший начальник оперативного отдела генерального штаба генерал-лейтенант Томинага Кэодзи; бывший командующий 6-й армией Квантунской армии полный генерал Кита Сэйити; бывший начальник штаба 23-й дивизии в Маньчжурии генерал-майор Одзуцубо Кадзума; бывший командующий 4-й армией 2-го фронта

Квантунской армии и начальник железнодорожных перевозок Квантунской армии генерал-лейтенант Кусаба Тацуми; заместитель начальника штаба Квантунской армии генерал-майор Мацумура Томокадзу и служащий штаба Квантунской армии подполковник Сэдзима Рюдзо.

После выступления на Токийском процессе 14 ноября 1946 г. Мацумура Томокадзу и Сэдзима Рюдзо были возвращены в СССР и помещены в лагерь № 16. 18 июля 1949 г. в Хабаровске военный трибунал войск МВД СССР вынес в отношении Сэдзима Рюдзо обвинительный приговор. Ему вменялось в вину участие в разработке планов нападения Квантунской армии на советский Дальний Восток, а также посещение СССР под видом дипломатического курьера под вымышленным именем с целью сбора разведывательной информации. Сэдзима был осужден на 25 лет лишения свободы. Следствие сделало вывод, что, «являясь представителем Генштаба Японии, Сэдзима руководил разработкой планов ведения войны против СССР, Англии и Америки»³³. Кроме того, Сэдзима был обвинен в шпионаже.

В Японию Сэдзима Рюдзо вернулся в 1956 г. и был реабилитирован главной военной прокуратурой России в 1992 г. В этом же году в Главное управление по надзору за исполнением законов в вооруженных силах пришло письмо от 80-летнего Сэдзима, который благодарил руководство России за реабилитацию его и других бывших военнопленных.

Исследовав множество фактов преступного обращения японских военнослужащих со своими пленными, Международный военный трибунал для Дальнего Востока сделал заключение о непосредственной причастности японского правительства и его главных военных преступников (28 бывших государственных, политических и военных деятелей Японии) к тактике бесчеловечного отношения к военнопленным. В приговоре, отмечалось, что вина за совершенные преступления целиком и полностью лежит как на непосредственных исполнителях, так и на правительстве Японии.

Показания свидетелей на процессе в г. Хабаровске подтвердили, что в целях массового истребления войск и мирного населения Японией еще с 1931 г. предусматривалось применение в войне бактериологического оружия. С этой целью на территории захваченной японцами Маньчжурии были развернуты два крупных бактериологических учреждения, рассчитанных не только на изыскание способов ведения бактериологической войны, но и на производство бактериологического оружия в размерах, достаточных для полного снабжения японской армии.

Учреждения эти были строго засекречены и в целях конспирации получили названия «Отряд № 731» и «Отряд № 100». Оба отряда имели многочисленные филиалы, которые являлись настоящими боевыми подразделениями, готовыми в любой момент по приказу командования применить бактериологическое оружие. Отряды № 731 и № 100 изготавливали огромное количество бактерий острых инфекционных заболеваний (чума, холера, сибирская язва и т. д.). Аналогичной деятельностью занимались два других секретных формирования, зашифрованных, как «Отряд Эй» и «Отряд Нами».

На процессе было установлено, что бактериологическое оружие рассматривалось Японией как эффективное средство ведения войны. Японским генштабом были утверждены три основных метода применения бактерий в военных целях: распыление бактерий с боевых самолетов, сбрасывание с самолетов

специальных бактериологических бомб и наземное заражение населенных пунктов, водоемов, пастбищ и т. д. по методу бактериологических диверсий³⁴.

Изыскания способов и средств ведения бактериологической войны, проводившиеся в вышеназванных отрядах, сопровождались опытами по проверке действенности бактериологического оружия на живых людях. Как правило, подопытными становились китайские и советские военнопленные, обреченные на уничтожение. Большинство военнопленных, зараженных бактериями чумы, холеры, тифа, сибирской язвы, газовой гангрены и других болезней погибали в жестоких мучениях. Те же, кто выздоравливал, подвергались повторным опытам и в конце концов умерщвлялись.

Как было установлено в ходе следствия, только в одном отряде № 731 ежегодно истреблялось не менее 600 военнопленных, а с 1940 г. по день капитуляции японской армии (2 сентября 1945 г.) было умерщвлено не менее 3 тыс. чел.³⁵

Глубокое, всестороннее изучение личности каждого подсудимого на Хабаровском процессе, гуманное отношение советского суда к японским военным преступникам не могло остаться незамеченным как самими японцами, так и всей мировой общественностью. Однако вызывает сомнение сама правомерность этого суда: процесс в Хабаровске не являлся международным судом, поскольку в нем не участвовали представители защиты и обвинения из других стран, подсудимые не были гражданами СССР и не совершали преступлений на его территории. Таким образом, действия Советского Союза, взявшего на себя роль мирового судьи, не были безупречны с точки зрения международного права³⁶. Вместе с тем Хабаровский процесс и само пребывание многих японских военных преступников в советских лагерях военнопленных заставили японцев по-иному взглянуть на происшедшее.

«Первое, что я почувствовал будучи военнопленным в Советском Союзе — это гуманное отношение ко мне со стороны советских людей, — сказал в своем заключительном слове бывший начальник производственного отряда № 731 Кавасима Киоси. — Это заставило меня осознать всю глубину моего преступления. Я понял, что совершенные мною преступления позорны не только для меня одного, но и для всей моей страны, и раскаялся в них»³⁷.

О гуманности к подсудимым со стороны советских людей говорили в своих заключительных словах бывшие генералы Квантунской армии Ямада, Сато, Такахаси. «Я уже не тот Курусима, каким был четыре года назад, — сказал на суде бывший санитар-лаборант отряда № 731 Курусима Юдзи. — Я чувствую бесконечную ненависть к военщине, которая втянула меня в злодейское дело — участие в подготовке бактериологической войны... Я благодарен за то, что здесь ко мне, как и к другим военнопленным, относились сердечно, без дискриминации»³⁸.

Во время подготовки и проведения Хабаровского процесса многие обвинявшиеся японцы, как и свидетели обвинения, содержались в специальных лагерях военнопленных. Так, в Хабаровском спецлагере № 50 был заключен японский генералитет в лагере находились 37 бывших армейских генералов и флотских адмиралов. В 1950 г. 32 из них — свидетели обвинения — были репатрированы в Японию³⁹.

К апрелю 1950 г. в Советском Союзе находились 2 458 японских военнослужащих различных рангов и званий, обвинявшихся в военных преступлени-

ях. Многие из них были осуждены на срок от 15 до 25 лет. Однако Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии японских граждан, осужденных в Советском Союзе» от 13 декабря 1956 г. в связи с прекращением состояния войны и установлением мирных отношений между СССР и Японией все осужденные японцы были освобождены из мест заключения и возвращены на родину⁴⁰.

Военными судами в СССР было осуждено немало солдат и офицеров Квантунской армии, захваченных советскими частями в плен на территории Маньчжурии в августе 1945 г. Большинство военнопленных, оказавшись в СССР, были незаконно осуждены по 58-й статье УК РСФСР «за шпионаж и оказание помощи международной буржуазии» на сроки от 10 до 25 лет. Среди осужденных были военные переводчики, делопроизводители, преподаватели русского языка, полицейские, заведующие боевыми и продовольственными складами, бухгалтеры. Само возбуждение и последующее рассмотрение этих дел с признанием японских граждан-военнослужащих виновными в шпионаже и оказании помощи мировой буржуазии являлось незаконным с самого начала и противоречило нормам международного права. Фактически этих военнослужащих советские суды обвиняли в добросовестном выполнении своих служебных обязанностей в период несения военной службы.

В 90-е годы XX в. военный суд Дальневосточного военного округа (г. Хабаровск) и военный суд Тихоокеанского флота (г. Владивосток) провели большую работу по реабилитации незаконно осужденных японцев. В соответствии с законом РСФСР от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий»⁴¹ Тихоокеанский флотский военный суд реабилитировал за 1991—1992 гг. 16 незаконно осужденных японских военнослужащих, впоследствии были отменены приговоры еще 26 японцам. Работа по реабилитации незаконно осужденных в 40—50-е годы XX в. японских военнослужащих продолжается⁴².

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать следующий вывод: в период 1914—1956 гг. вопросы международно-правового осмысления статуса военнопленных волновали широкую общественность так же, как и волнуют до сих пор. Первая мировая война вызвала необходимость использования документов международных конвенций, подписанных на рубеже XIX—XX вв. Дореволюционная Россия взяла на вооружение соглашения о военнопленных, разработанные в 1899 и 1907 гг. первой и второй мирными конференциями в Гааге. Опираясь на положения конвенций об отношении к военнопленным, российское правительство в отличие от германского в основном соблюдало гуманитарное международное право, хотя по ряду международных норм, изложенных в конвенциях о военнопленных, Россией были допущены нарушения. Отступления от положений конвенций в отношении к военнопленным в годы первой мировой войны наблюдались и на Дальнем Востоке России.

После Октябрьской революции отношение к пленным на территории РСФСР регулировалось международно-правовыми нормативными актами, в числе которых были положения Копенгагенского соглашения от 15 (2) ноября 1917 г. о военнопленных. Несомненную важность для положения пленных имели статьи мирного договора между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией — с другой, касавшиеся жизнедеятельности военнопленных, а также условий их возвращения на родину.

Петроградское соглашение от 25(7) февраля 1918 г. между Россией и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией классифицировало основные типы ранений и болезней военнопленных, которые давали право на скорейшую репатриацию больных и раненых. Очевидный гуманизм данного Соглашения выражался в заботе правительств вышеуказанных государств о перевозках тяжелобольных и раненых военнопленных с наименьшими потерями.

Вместе с тем у советского правительства имелась своя политическая, правовая и моральная система представлений по этому вопросу, которая теоретически была представлена в трудах В.И. Ленина, а впоследствии постоянно развивалась и претворялась в жизнь. Необходимо отметить, что в Советской Республике по отношению к пленным в период 1917—1922 гг. применялись идеологический прессинг, репрессивные меры, а также институт заложничества, что противоречило моральному аспекту международного права. Отступления от международных соглашений, имевшие место в отношении военнопленных в годы гражданской войны и военной интервенции, негативным образом сказались на их жизненном уровне как в целом по РСФСР, так и на ее Дальнем Востоке.

Тяжелой, если не сказать трагической ошибкой советского правительства был отказ от подписания Женевской конвенции 1929 г. «Об отношении к военнопленным». Взамен этого документа, под которым подписались представители практически всех европейских стран, советское правительство представило ряд собственных документов по вопросам плена, не имевших международного признания и строго засекреченных. Пренебрежительное отношение советского правительства к большинству международно-правовых документов по вопросам плена привели к трагическим последствиям: тысячи советских военнослужащих, попавших в годы Великой Отечественной войны в немецкий и японский плен, остались без покровительства и защиты своего государства, а сотни тысяч иностранных военнослужащих в советском плену рассматривались правительством СССР как бесправная рабочая сила. Вместе с тем отношение к военнопленным в СССР не идет ни в какое сравнение с теми противоправными мерами, которые были предприняты по отношению к советским военнослужащим в немецком и японском плену в ходе второй мировой войны.

Между Россией и Японией до сих пор не решены многие вопросы, касающиеся военного плена и имевшие место в период второй мировой войны, в послевоенный период, такие, в частности, как определение численности попавших в плен японских военнослужащих, оплата их труда в плену, репатриация, захоронение умерших пленных и т. д.

Принятие в августе 1949 г. III Женевской конвенции об обращении с военнопленными, к которой присоединились 166 государств, в том числе и СССР (а впоследствии и Россия), создало целую систему защиты прав военнопленных с учетом имеющегося международного исторического опыта по недопущению новых нарушений.

¹ Международное право в избранных документах / Сост. Ю.М. Колосов, И.И. Котляров. М., 1996. С. 194—266.

² Там же. С. 44.

³ Там же. С. 44.

⁴ РГВИА. Ф. 1558. Оп. 9. Д. 61. Л. 539.

- ⁵ Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. Вологда, 1996. С. 17.
- ⁶ Документы внешней политики СССР / Ред. А.А. Громько. М., 1957. Т. 1. С. 639.
- ⁷ Там же. С. 641.
- ⁸ Там же. С. 642.
- ⁹ Там же. С. 643.
- ¹⁰ Там же. С. 652.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР. М., 1968. Т. 1. С. 152.
- ¹³ Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 224—225; Барсуков М.И. Красный Крест и Красный Полумесяц СССР: Краткий исторический очерк. М., 1996. С. 84—85.
- ¹⁴ Сталин И.В. Сочинения. М., 1947. Т. 7. С. 275—276.
- ¹⁵ Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных... С. 20.
- ¹⁶ Там же. С. 21.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Женевская конвенция об улучшении участи больных и раненых в действующих армиях. Принята на международной дипломатической конференции в Женеве 27 июля 1929 г. М., 1932. С. 5.
- ¹⁹ Военно-исторический журнал. 1990. № 6. С. 52—53.
- ²⁰ Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных... С. 23.
- ²¹ Судебный процесс по делу Верховного главнокомандования гитлеровского вермахта. (Пер. с нем.). М., 1964. С. 109—110.
- ²² Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. 17 июля—2 августа 1945 г. // Сб. документов в 6 т. М., 1984. Т. 6. С. 358.
- ²³ Там же. С. 358.
- ²⁴ Еленцева О.П. Строительство № 500 НКВД СССР. Железная дорога Комсомольск—Советская Гавань (1930—40-е годы). Владивосток, 1995.
- ²⁵ Кузнецов С.И. Проблема военнопленных в российско-японских отношениях после второй мировой войны. Иркутск, 1994. С. 155.
- ²⁶ Галицкий В.П. Архивы о лагерях японских военнопленных в СССР // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 6. С. 120.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ ГАХК. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 447. Л. 56.
- ²⁹ Архивы о лагерях японских военнопленных... С. 122.
- ³⁰ Кузнецов С.И. Проблема военнопленных в российско-японских отношениях... С. 127.
- ³¹ ГАХК. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 447. Л. 75.
- ³² Там же.
- ³³ Известия. 1982. 8 мая.
- ³⁴ Правда. 1949. 31 дек.
- ³⁵ Там же. 1949. 1 янв.
- ³⁶ Кузнецов С.И. Проблема военнопленных в российско-японских отношениях... С. 133.
- ³⁷ Правда. 1949. 31 дек.
- ³⁸ Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии... С. 521—522.
- ³⁹ ГАХК. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 483. Л. 105, 108.
- ⁴⁰ Находкинский рабочий. Находка, 1956. 15 дек.
- ⁴¹ Ведомости Совета народных депутатов и Верховного суда РСФСР. М., 1991. № 44. Ст. 1428.
- ⁴² Архив Тихоокеанского флотского военного суда. Копии определений по надзорным делам. С. 34, 35, 38.

SUMMARY. “International Legal Aspects of Military Captivity in the Far East of Russia in the 20th Century” is the title of the article by Candidate of Historical Sciences Elena Bondarenko. The author in detail analyzes international documents, regulating the regime of military captivity. The article also contains data, depicting the practice of keeping prisoners of war in the Far East of Russia.